
РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И БУДУЩЕЕ НАУКИ

© 2022 г. С. В. Пирожкова

Институт философии РАН, Москва, Россия

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

Поступила в редакцию 24.11.2021 г.

После доработки 29.11.2021 г.

Принята к публикации 10.12.2021 г.

В статье обосновывается авторское понимание роли социальных и гуманитарных дисциплин в сохранении и развитии науки как социокультурного феномена. Это обоснование строится в форме экспликации и критического анализа программы философских исследований науки и техники, основное содержание и результаты реализации которой представлены в монографии И.Т. Касавина “Наука – гуманистический проект” (2020). В статье описывается, как в рамках отечественной философии ведётся поиск новых стратегий исследования науки, анализируется историчность науки и показывается сложная топология её генезиса, не укладывающаяся в линейную схему исторической преемственности, отражающая синхронное сосуществование разных вариаций науки как культурного феномена. Историчность науки заставляет обратиться к вопросу о её культурно-исторической субъектности, обосновывается, что в текущей деятельности эта субъектность приобретает политический характер. Каким образом политическая субъектность науки может восприниматься и непротиворечиво сочетаться с этосом экспертного сообщества? По мнению автора, политическая субъектность и круг тех интересов, которые учёные отстаивают в публичном пространстве, определяются пониманием сути науки как явления культуры. Подчёркиваются экзистенциальная и культуротворческая функции науки, на этом основании предлагается авторская трактовка гуманистического проекта, представленного И.Т. Касавиным, как программы гуманизации технауки.

Ключевые слова: наука, культура, технаука, гуманизм, философия науки, политическая субъектность, человек, общество.

DOI: 10.31857/S0869587322030070

Наука сегодня – один из главных объектов различных дисциплинарных и междисциплинарных исследований в области социогуманитарного знания. В этом нет ничего удивительного: изучать человека или общество в начале XXI в., не учитывая фактор научно-технологического развития, по меньшей мере, непродуктивно. Наука и техно-

логии – не просто неотъемлемая часть современного социального ландшафта, это феномены, без анализа которых невозможно понять природу человека и дать адекватную характеристику общественным формам человеческого бытия и человеческой культуре. Кроме того, без всестороннего социогуманитарного изучения науки нельзя делать какие-либо выводы относительно перспектив развития социума и человеческой цивилизации, а значит, это уже вопрос научного обеспечения стратегического управления. Но всё перечисленное не исчерпывает значения социогуманитарных исследований науки. Настоящая статья посвящена обсуждению роли социогуманитарных дисциплин (на примере философии) в определении будущего научной системы производства знания. Оттолкнуться в своём экскурсе я буду от вышедшей в свет в конце 2020 г. монографии И.Т. Касавина “Наука – гуманистический проект” [1].

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: НОВШЕСТВА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Среди всех общественных и гуманитарных наук философия претендует на *наиболее полное и системное* представление любого изучаемого объекта. Как и во многих других случаях, наука стала предметом философского анализа задолго до возникновения различных дисциплинарных направлений. Сначала она была частью философии, входя в целостную научно-философскую традицию, затем философия участвовала в эмансипации науки и продолжала выполнять дескриптивные, нормативные и критические функции после того, как эмансипация состоялась. Но во второй половине прошлого века ситуация стала меняться. Развитие концепций и подходов в рамках философии науки – специализированного раздела философии – выявило ограниченную эффективность методологического нормирования роста научного знания. Дескриптивные функции, помимо истории науки, взяла на себя социология, принявшая за изучение не только того, как эволюционируют социальные структуры, занятые производством научного знания, но и самого познания как социального процесса. Что касается критической функции, её реализация чем дальше, тем больше осложнялась специализацией научных знаний. *Критически осмысливать науку* с методологической точки зрения сейчас практически нереально без специально-научного, а не только философского образования. Над философией нависла угроза превращения чуть ли не в своего рода анахронизм.

Однако сдавать философию науки в архив преждевременно. Она сохраняет значительные кадровые, институциональные и теоретические возможности для успешного анализа своего предмета, и эти возможности остаются востребованными в рамках науковедения, они не компенсируются историческими или социологическими исследованиями. Если мы посмотрим на науковедческие работы или работы в междисциплинарной области *science and technology studies (STS)*, то обнаружим в них отсылки к философским работам, философскому инструментарию и попытки философских обобщений. Там, где ситуационные исследования не дополняются такими обобщениями, где они не вписаны в универсальные объяснительные схемы, создаётся впечатление незаконченности исследования, и подобные работы мало что дают не только для понимания науки, но и для современной практики управления ею.

Востребованность философии связана и с тем, что лишь она рассматривает науку не просто как культурно-историческое явление, социальный институт, собрание антропологических типажей и т.д., а с точки зрения своей собственной приро-

ды, своей сути, то есть как *познавательное предприятие*, как процесс производства знания особого типа. Этот аспект улавливается только философской теорией познания, делающей своим предметом *процесс* получения, хранения, передачи и развития научного знания. И именно этот процесс оказывается той матрицей, которая формирует науку как культурный феномен, особый тип коммуникации, специфический этос и т.д. Важно и то, что пример отечественной философии науки демонстрирует возможность *системного философского анализа*, когда философы способны, исходя из характеристики теоретико-познавательной матрицы науки, разворачивать целостное и многоаспектное культурно-историческое её представление. Об этом свидетельствуют работы И.Д. Рожанского, П.П. Гайденко, В.С. Кирсанова, А.П. Огурцова и многих других исследователей.

Всё сказанное говорит о потенциале увеличения роли философии в междисциплинарных исследованиях науки. Но тот факт, что, например, в области STS позиции философии долго оставались слабыми, указывает на необходимость не только “делать всё так, как это делалось всегда” (и ждать пока “ветер переменится”), но пересматривать исследовательские стратегии. Новая книга отечественного философа И.Т. Касавина “Наука – гуманистический проект” отражает продолжительную рефлексию над обозначенным кругом проблем автора, профессиональный путь которого связан с поиском новых способов философского исследования знания в целом и научного знания как важнейшей его формы. Содержательным итогом этого поиска стало создание проекта *социальной философии науки* как направления, адаптирующего философский анализ науки к так называемому социологическому повороту в науковедении и теории познания. Организационные итоги – основание журнала “Эпистемология и философия науки” (вошедшего в 2021 г. в первый квартиль по философии на платформе Web of Science Core Collection по индикатору Journal Citation Indicator), создание Русского общества истории и философии науки и иных коммуникационных площадок – от периодических конференций и семинаров до крупных исследовательских проектов. Книга “Наука – гуманистический проект” – своеобразный путеводитель по всей этой деятельности, отражающий рефлексию над ключевыми проблемами и формулировку тех ответов, которые легли в основу названных научных результатов.

Обозначенный характер книги делает её чтение не только увлекательным, но и очень продуктивным в плане заочной полемики или развития тезисов автора, но одновременно затрудняет знакомство с нею читателя в жанре рецензии (впрочем, данная статья на этот жанр не претендует).

Текст разбит на несколько разделов. В первом и пятом представлены результаты саморефлексии философии над своими подходами и методами анализа науки, над историей формирования философии науки как особого направления, обоснование необходимости организовывать её именно как *социальную философию науки*, прояснение её отношений со специально-научными исследованиями науки, предложение различных стратегий реализации социально-философского анализа науки. Эта рефлексия подкрепляется и теоретико-познавательным анализом науки, призванным, в том числе, показать, какие стратегии и концепции по-прежнему актуальны, а какие — нет и в каком направлении нужно продолжать методологический поиск. Во втором разделе даётся разбор внушительного ряда вопросов научной коммуникации: внутри научного сообщества, между сообществом и обществом, между сообществом и различными социальными акторами и между этими акторами по поводу науки. В третьем разделе обсуждаются проблемы исторического бытия науки и её исследования как культурно-исторического феномена, в четвёртом — этика науки, нормы деятельности и поведения учёных. Наконец, шестой раздел объединяет три эссе в жанре полемического отклика на позиции коллег по ключевым для исследования науки проблемам и один диалог по вопросу эпистемологической специфики познания человека.

Обзор всего, что предлагается, обосновывается или выносится на обсуждение читателя в названных шести разделах, может иметь форму комментария, превышающего по объёму саму монографию. Попытаться выбрать среди поднятых тем более и менее важные — дело крайне благодарное, поскольку все они в равной степени значимы как для судьбы философии науки (о чём в общем виде сказано выше), так и для судьбы самой науки и неразрывно связанных с ней траекторий развития человека и общества. Однако название книги указывает на то, что она может быть прочитана и иначе — с точки зрения идеи, рефреном проходящей через все главы и разделы книги. Далее я попытаюсь последовательно эксплицировать эту идею и критически её проанализировать.

ИСТОРИЧНОСТЬ НАУКИ: МНОГОЛИКОЕ ПРОШЛОЕ И ВЫЗОВЫ НАСТОЯЩЕГО

Для современного социального и гуманитарного знания всё более насущной становится тема будущего общества и человека, преломлённая через ту или иную дисциплинарную призму. Будущее разных социальных институтов, искусства и художественного творчества, организации экономического и политического процессов, будущее национальных культур и разных мировоззренче-

ских систем, наконец, будущее человека как субъекта той истории, о которой мы говорим как о человеческой и которая ставится под вопрос проектами пост- и трансчеловеческого послезавтра (или даже завтра!), — таков только самый общий круг тем, составляющих своеобразный дискурс будущего в социогуманитарном знании. В этом ряду мы находим и проблему будущего науки — как познавательной деятельности, социального института и элемента культуры. При этом речь идёт не только о европейской науке, но о науке как феномене, включающем в себя и, скажем так, предъевропейские (классическая античность, эллинизм, римская культура) и неевропейские (арабская средневековая научная традиция, китайская и индийская наука [2]) формы своего бытия.

Исследования истории культуры и истории науки демонстрируют, что, сводя историю науки только к эпохе модерна, мы одновременно упускаем из виду и варибельность научной традиции, и её целостность. Эту целостность, преемственность в развитии можно выразить в понятии рационально-критического систематического познания различных областей реальности: природной, общественной, области идеального (культуры), то есть творений человеческого духа и самого этого духа — человеческого сознания. Подобное видение обнаруживает в цепи преемственности намного больше звеньев, чем распространённое деление на античную, средневековую и новоевропейскую науку. Более того, преемственность оказывается очень своеобразной, с не линейной, а, скорее, ветвящейся топологией, где связь не всегда является порождающей, но нередко обусловлена общим истоком или отношением “семейного сходства” (Л. Витгенштейн). Привязка к крупным эпохам скрывает специфику, например, эллинистической или ранненовоевропейской науки и эклектичной научно-философской традиции XVIII в. Она затемняет и тот факт, что наука современного типа — то есть отличающаяся устойчивой системой норм научной деятельности, чёткой (или тяготеющей к чёткости) дисциплинарной структурой, строгой организацией научного процесса, наличием системы воспроизводства кадров — складывается лишь в XIX в., после чего не застывает в некоем оптимальном состоянии, но продолжает развиваться, и не только в смысле изменения методологии и роста знания. Этот процесс отражён, в частности, в концепции *смены типов научной рациональности* В.С. Стёпина [3] или в периодизации смены организационных форматов от “малой” науки к “большой” и, наконец, технонауке Э. Джеймисона [4].

Нелинейная топология обнаруживает не только диахронное, но и синхронное разнообразие, позволяя говорить о национальных научных тра-

дициях с их специфическими формами организации науки, её социализации и управления ею, особенностями социокультурного статуса. Эта тема отражена в книге И.Т. Касавина применительно к викторианской науке, прежде всего через анализ идей английского философа и учёного У. Хьюэлла — человека, заложившего основы философии науки как самостоятельного философского направления.

История британской традиции интересна тем, что речь идёт об эволюции науки на родине Ф. Бэкона, автора одного из самых влиятельных социокультурных проектов развития науки. Как отмечает И.Т. Касавин, “главное открытие английского мыслителя состояло в том, что идея правильного научного метода нуждается в социальной легитимации и адекватной институционализации, невозможной без соответствующей государственной политики” [1, с. 167]. Однако эта легитимизация затем реализовывалась по-разному, и “проект Бэкона дал два ростка, практически продемонстрировавшие два типа научной субъектности — Парижскую академию наук и Лондонское королевское общество” [1, с. 162]. Эти существующие в историческом времени национальные традиции являли два разных типа социокультурного облика науки, две разные стратегии её развития в рамках культурного и социального целого. Этот исторический прецедент важен и сегодня. В условиях глобализации и с поправкой на собственную “глобальность” науки, не признающей в силу своей природы как свободного поиска истины территориальных границ и политических барьеров, национальные традиции по-прежнему разнятся с точки зрения общественного восприятия науки, практик научной политики, форм участия науки в публичном пространстве и процесса принятия решений, связанных с функционированием и развитием науки. Отечественная наука в данной перспективе представляет особый интерес для философии науки как дважды на протяжении столетия пережившая адаптацию к кардинально изменившейся социокультурной ситуации. Эта тема ещё ждёт своего панорамного и вместе с тем глубокого рассмотрения, которое позволит лучше понять современное состояние российской науки и осознаннее строить её будущее.

Историческая перспектива, таким образом, открывает тот факт, что наука непрестанно меняется, и этот урок должен помогать в осмыслении современного этапа эволюции науки, а значит, и в выстраивании сценариев её последующего развития. Как пишет Касавин, анализируя теоретические основания исторической эпистемологии — значимого направления в исследованиях науки, история науки — “не пыльный архив, а собрание настольных книг” [1, с. 187]. Сегодня такое собрание требуется как никогда. Многие исследовате-

ли опасаются, что современность грозит науке как элементу духовной культуры, что наука как социокультурный проект исчерпана, как исчерпан проект модерны [5], что она имеет смысл только в качестве полезной науки — как инструмент технического преобразования мира [6], теряя мировоззренческое и экзистенциальное значение [7]. Отсюда следует опасность утраты научной автономии, статуса особой социальной практики. В отечественной литературе хорошо известна цитата из сборника лекций П. Бурдые (2001), где он описывает эту опасность как угрозу регресса: «Автономия, которую науке удалось постепенно завоевать по отношению к религиозной, политической, экономической власти и даже частично к власти государственной бюрократии, гарантирующей ей минимальные условия независимости, ныне очень слаба. Социальные механизмы, формировавшиеся по мере того, как она утверждалась как конкуренция между равными, рискуют оказаться на службе целей, навязанных извне; подчинение экономическим интересам и соблазнам масс-медиа входит в опасный резонанс с внешней критикой и внутренней дискредитацией, где “постмодернистский” бред является последним аргументом, способным подорвать доверие к науке, особенно, социальной» [цит. по: 8].

Положение науки в обществе действительно изменилось. Общество за последний век в полной мере осознало, что именно наука — источник материальных инноваций, причём осознало на разных уровнях социальной системы, или, иначе говоря, в разных регионах общественного бытия. Экономическая сфера — от промышленников до финансистов — осознала, что наука поставляет то, из чего можно делать деньги, то есть то, что не только способствует росту капитала, но само является *разновидностью капитала*. Политическая сфера убедилась окончательно, что наука и только наука обеспечивает инструментарий как жёсткой, так и мягкой силы. Представления о науке, циркулирующие в гражданском обществе, обогатились целым рядом разнообразных кейсов, теорий, фобий и пр., а также дополнились выходящими за рамки традиционного образования практиками потребления научных знаний. Всё это привело к неоднозначным последствиям.

Проект построения новой науки создавался новоевропейскими философами (философские компетенции которых, что немаловажно, дополняли компетенции и профессиональную практику в других, как бы мы сейчас сказали, дисциплинарных областях) и развивался мыслителями эпохи Просвещения как центральный компонент более масштабного проекта по преобразованию общества. На науку возлагались не просто широкие социальные функции, она должна была стать основанием жизни людей — того, как они мыслят,

какие имеют убеждения, на что способны. Однако на поверку ценностные, нормативные и организационные принципы, конституирующие науку, лишь отчасти вышли за границы научного сообщества. Другими словами, целостной реализации того, что задумывалось и было, по сути, наукой как социокультурным проектом, не случилось. Случилось обратное — наука была вынуждена инкорпорироваться в общество, базирующееся на несколько иных принципах. Отсюда и размывание матрицы институализированной научной деятельности, которую фиксируют в качестве факта трансформации науки.

Однако это только одна сторона медали. Вторая сторона обнаруживает ответственность науки за формирование двух социокультурных мифов, которые мы ранее назвали технологическим и экономическим [9]. Речь идёт о гипертрофированном значении в современном обществе, во-первых, экономической подсистемы [10] и, во-вторых, деятельности по производству техники и технологий. Акцент на технологическом и экономическом развитии как двух взаимосвязанных, поддерживающих и усиливающих друг друга процессах, вытесняет из поля зрения важность развития, причём на собственных основаниях, других областей социального бытия — семейных отношений, гражданственности, политики, образования как института культурной преемственности и др. Под это влияние подпадает и наука, что отражается в процессе её “прикладнизации” и коммерциализации и превращения в технонауку. Но технологический прогресс и рыночная экономика в их сегодняшних масштабах были бы невозможны без развития естественных и социальных наук и прежде всего экономики. В этом смысле они сами порождены наукой на определённом этапе её развития.

Обозначенная амбивалентность формирует актуальную проблему: с каких позиций подходить к будущему науки? Должны ли мы отслеживать динамику культуры и социальных трансформаций или сама наука будет определять собственное будущее?

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ НАУКИ

Анализ негативных сценариев развития науки, предполагающих её дальнейшую инструментализацию и девальвацию идеала чистой науки [см. 11], обнаруживает наличие оснований для этих сценариев предпосылки. Она заключается в том, что наука в лице научного сообщества отказывается от собственной субъектности и её увлекает общее течение социокультурного процесса.

Возможность избежать неблагоприятного развития не стоит связывать с тем, что “общество одумается”, “власти прозреют” и/или найдутся влиятельные интеллектуалы, а то и просто “неглупые люди”, которые будут тратить на науку деньги, не требуя от неё гарантированного не просто прикладного, но и коммерчески успешного результата, будут продвигать её интересы как чисто познавательного предприятия. Науку как поставщика полезных и конкурентоспособных продуктов приветствует и государство, и рядовые граждане, и акулы рынка, и пишущие об этом журналисты. Наука как тяжёлый каждодневный труд, иногда без выходных, требующий концентрации и дисциплины, долгих лет учёбы, настойчивости и терпения, уже не столь интересна и может быть уделом только профессионалов. Далеко не у всех вызывает энтузиазм и наука, демонстрирующая, что всё простое и знакомое в действительности устроено сложно и трудно представимо, что мир если не враждебен к человеку, то безучастен, и, возможно, человеку вообще не суждено адекватно описать все происходящие в нём процессы. Бесперспективно ждать, что наука как этически и эстетически достойное человеческое предприятие просто фактом своего существования постепенно изменит нравы в обществе. Даже если нравы и смягчатся, как убеждают нас зарубежные и отечественные учёные [12, очерк первый; 13], происходит это не просто медленно, но медленнее, чем растут технические возможности социума. В итоге увеличиваются риски того, что человечество не доживёт до своего условного цивилизационного совершенноголетия не потому, что не сможет изменить траекторию какого-нибудь угрожающего Земле космического тела, а потому, что не сумеет обуздать коллективную агрессивность (которая по-прежнему достаточно высока), эмоциональную неустойчивость и нерациональность при принятии решений.

Мне могут возразить, что исправление нравов — не дело науки (обоснование такой точки зрения можно найти, в частности, в работе [6]), однако сама такая позиция — следствие понимания науки как инструмента материального преобразования мира. Ни новоевропейская традиция, ни, например, античная как самая ранняя научная традиция никогда не определяли задачи науки столь узко. Познание было всегда сопряжено с экзистенциальным измерением — с выходом человека из тьмы невежества или сумрака заблуждений как процессом и фактом личного преобразования, которое могли совершить многие, пользуясь определёнными методами познания. Метафора знания как света возникла в культуре намного раньше метафоры “знание — сила”. Проблема в том, что потеря авторитета различными вариантами *оптической трактовки познания* (познание как отражение, узрение, созерцание и т.п. объектив-

ной реальности), о которой Касавин рассуждает в первой главе своей книги, ставит под сомнение и световую аллегорию. Сегодня в эпистемологии приобретает всё больший авторитет опирающаяся на исследования в области когнитивной науки концепция *воплощённого познания*. Она показывает, что человек заперт не в темнице неведения, а в собственном теле, возникшем в определённой среде, приспособленном только к ней и имеющем специфический когнитивный аппарат, если что и отражающий, так это условия, в которых он формировался (например, относительная устойчивость, периодичность смены состояний и т.д.). Исходя из такой картины (складывающейся, подчеркнём, на основании эмпирических исследований, а не только спекулятивных построений), легко признать правоту эпистемологического антиреализма, согласно которому наука в принципе не может описать и объяснить реальность, потому что ко многим составляющим этой реальности она — будучи *человеческой* — не приспособлена, следовательно, не имеет адекватного познавательного инструментария для их описания. Научные теории — только инструменты организации практики, а научные факты — организуемый с помощью теорий опыт.

Эпистемологический антиреализм открывает дорогу таким вариантам неклассической эпистемологии, которые на том основании, что наука не может достичь истины, уравнивает её с иными формами не только познания, но и сознания, включая идеологию (по К. Марксу, напомним, идеология — это “превращённая форма сознания”). Именно об этом пишет П. Бурдьё как о “постмодернистском” бреде (постмодернистском — в кавычках, ибо постмодернизм как разнообразное и богатое на имена и концепции философское направление нельзя свести к той критике, о которой пишет Бурдьё). В результате науку могут обвинять в грязном использовании понятий “знание” и “истина” и навязывании с их помощью тоталитарного властного дискурса, жёстко подавляющего все альтернативные стратегии познания (или, правильнее говорить, конструирования) реальности. В таком духе строится, например, феминистская критика науки как оплота мускулинного мышления [14]. Парадоксально, но подобные интерпретации распространяются в обществе не менее, если не более успешно, чем “тоталитарный” дискурс науки, поддерживаемый якобы “властями и мировыми корпорациями”. Один из последних ярких примеров — подъём антивакцинаторства, в ряде случаев интегрирующегося с разнообразными теориями заговоров, как это наблюдается в период пандемии ковид-19.

Последний пример показывает, что, оставляя за собой только инструментальные функции, наука ставит под удар их реализацию, потому что

её инструментальная эффективность всегда может быть оспорена. Если наука — залог экономического роста, то общество всегда может ответить: нам больше не нужен рост, мы хотим иную систему хозяйствования. Если наука — залог технологического прогресса, то массовое распространение техноалармизма и технофобий способно подорвать её социальное значение. Если наука — залог материального благополучия, то её обесценивает антимаериализм. Смысл науки не в её эффективности, а в том, благодаря чему она эффективна, — *в предлагаемой познавательной стратегии*, которая удовлетворяет одновременно и мировоззренческие, и материально-практические потребности. Чтобы отстоять этот смысл, а не быть тем, чем её хотят видеть государство, бизнес или апологеты новых идеологий, наука должна включаться в общественный диалог не в виде незаинтересованного арбитра, а как равноправный участник со своими интересами и видением будущего.

Эта идея сформулирована в книге И.Т. Касавина как проблема *политической субъектности науки*. В такой формулировке она звучит провокационно и даже отталкивающе, особенно для уха российского учёного. В российском обществе сформировалось чёткое убеждение, что политикой должны заниматься профессиональные политики, а учёные должны заниматься тем, в чём они являются специалистами. Более того, идея политической вовлечённости противоречит принципам экспертной деятельности — одной из важнейших социально значимых функций науки. Эксперт должен быть объективным, а значит, политически неангажированным. Особенно остро эта проблема обозначается в случае социального знания. Кажется, и история науки однозначно указывает на необходимость выключенности науки из политического процесса.

С точки зрения анализа возможности для науки позиционировать себя в качестве политического субъекта автором обсуждаемой книги проводится сравнение двух упомянутых выше национальных научных традиций — британской и французской. «Французская наука, — пишет Касавин, — подчинила свою субъектность государственным потребностям и превратилась в “инвалида” — “субъекта с ограниченными возможностями”, служанку государства. Она достигла своего апогея в науке Наполеоновской эпохи, решая проблемы милитаризации экономики. Её общественное лицо было бледным, несмотря на практические достижения» [1, с. 162]. Эта интерпретация иллюстрируется трагическими фактами истории как науки, так и общества в целом — обстоятельствами суда над А. Лавуазье и вынесения ему смертного приговора. Напомним, что, реагируя на петицию в защиту Лавуазье, председатель революционного трибунала Ж.-Б. Коффиналь за-

явил, что “республика не нуждается в учёных” (или, по другой версии, что “республике нужны не химики, а патриоты” [15, с. 83]). Является ли эта фраза легендой или она действительно была произнесена в Париже чуть более двух столетий назад, мы доподлинно не знаем, но сам факт казни Лавуазье говорит о том, что она отражает дух эпохи и социальное положение науки. Тем временем наука в Британии, по словам Касавина, «шла иным путём. Фактически она дистанцировалась от общественно значимой проблематики вообще и стала “субъектом в себе и для себя” — “башней из слоновой кости”. Но это только способствовало её роли в промышленной революции и в завоевании Британией мирового господства в XIX в.» [1, с. 162].

Но насколько эти исторические прецеденты отвечают современным реалиям, когда всё большее число людей получают время и возможности более активно включаться в вопросы управления государством, а здравомыслие лидеров и их готовность прислушиваться к учёным никем и ничем не гарантированы? Достаточно ли в такой ситуации лишь высказать объективное экспертное суждение или нужно ещё донести его до разных политических и социальных акторов? В случае, если речь идёт о жизненно важных вещах, когда необходимо не просто быть услышанным, но добиться того, чтобы сказанное повлекло за собой определённые действия, может ли научное сообщество позволить себе дипломатические и политические манёвры, например, игру на противоречиях одних участников социального процесса или кооперацию с другими? Наконец, нельзя вслед за Касавиным не задать вопросом, “не является ли сегодня доступ к общественному сознанию самым главным каналом политической власти?” [1, с. 163] и не превращает ли наука сама возможность влиять на умы в мощную политическую силу? Если это так, правильно ли будет слепо передать эту силу в руки государства, нередко ассоциированного с частным властным интересом, а не с высокими целями благосостояния общества и обеспечения достойной жизни граждан?

На все сомнения и вопросы научный этос отвечает сухо и хладнокровно: дело учёного добывать знания, более ничего. Но готовы ли с этим согласиться рядовые учёные, которые по совместительству являются ещё и гражданами своих стран, и представителями человеческой цивилизации? Мало кто согласен вести жизнь члена Дома Соломона — бэконовского монашеского ордена служителей истины. А главное, если учёные уже и так вовлечены в политику, почему же не действовать с субъектной позиции, а не с позицией инструмента, используемого разными силами в своих политических интересах? Но какие интересы в политическом поле научное сообщество может и должно отстаивать? Интересы вы-

живания и развития науки — получения достаточного финансирования, обеспечения воспроизводства кадров и достойного социального положения учёных, соответствующего их вкладу в общественное благополучие, статусного признания? Или есть какая-то иная повестка, с которой учёные могут вступить в общественно-политическую дискуссию?

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ НАУКИ И РОЛЬ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Отвечая на вопрос о том, что наука как особый элемент культуры, а точнее, научное сообщество как носитель соответствующей культурной традиции может заявлять и отстаивать в публичном поле, мы приходим к теме культурной идентичности науки, а именно проблеме уяснения того, какие ценности конституируют науку. Этой теме в значительной степени посвящён четвёртый раздел книги И.Т. Касавина, озаглавленный “Этика и нормативность в науке”. Размышляя над проблемой дисциплинарного статуса и научного содержания этики науки, автор приходит к выводам, характеризующим то, что можно назвать *социокультурной миссией науки* в современном мире.

Этика науки — проблематика, обнаружившая себя после Второй мировой войны и продолжающая приобретать всё большую остроту в связи с экологической повесткой и расширением изучения человека, — являет собой (исключительно в первом приближении) один из вариантов системы профессиональных норм, каковые имеются и у медицинского работника, и у учителя, и у юриста, и у военного. Внимание к этическому измерению деятельности учёного высвечивает ценностное измерение науки, которое задаёт не только нормы научного труда, но и формирует образец особой социальной организации. Так, этика науки приобретает не узкопрофессиональное, а универсальное для общества значение. Важным достоинством того, как Касавин строит анализ этических проблем применительно к науке, является, на мой взгляд, перевод личностного уровня в социальный. Так, применительно к когнитивным добродетелям автор отмечает, что они “должны рассматриваться не как способности субъекта или черты характера личности, но, скорее, как функции всей совокупности взаимодействий, в которых происходит процесс познания” [1, с. 291]. Мне представляется более перспективным не противопоставлять обозначенные индивидуально субъектное и социально-коммуникативное видения, а рассматривать их как взаимодополнительные. Поэтому в дальнейшем, указывая на экзистенциальное измерение науч-

ной деятельности, я предполагаю, что оно имеет и социальную манифестацию.

Выше отмечалось, что сущность науки состоит не в том, что она наиболее эффективна по сравнению с иными познавательными стратегиями, а в том, как она достигает этой эффективности. Ценность науки на протяжении более чем двух с половиной тысячелетий обосновывалась тем, что она даёт правильный метод познания, открывает человечеству путь к истине (это позиция эпистемологического реализма, противостоящего эпистемологическому антиреализму, о котором говорилось в предыдущем разделе). Эта идея может быть лишена всякой утилитарности, реализуя приверженность человека одному из фундаментальных для его бытия идеалов (наравне с идеалами добра и красоты) — идеалу истины [16]. Однако многие мыслители настойчиво доказывали, что наука не обнаруживает экзистенциально значимую, но только утилитарно ценную истину. Значит ли это, что наука не может быть проникнута сакральным переживанием, сходным с тем, с каким, в частности, сопряжён религиозный опыт? Верующий переживает факт существования бога, и, хотя не может вернуться в его царство, не может самостоятельно достигнуть благодати, счастлив жить в вечном стремлении и приближении, а главное — служении богу как высшей и абсолютной ценности. Можно ли описать жизненный путь учёного как бескорыстное служение другой ценности — истине?

Тут следует назвать как минимум ряд существенных отличий. Во-первых, наука не сулит достижения идеала, тогда как религия не просто обещает верующим царство божие, но и предьявляет истории людей, которые уже достигли наивысшего блаженства единения с богом. Наука не может предьявить тех, кто узрел истину и приобщился к ней, разве что если считать каждый новый шаг, каждое всё более глубокое и полное понимание исследуемых объектов актом такого приобщения. Как точно формулирует Касавин, из всех видов познания (обыденного, художественного, религиозного) только наука даёт в качестве результата такое знание, которое “подвержено постоянному обновлению”. Действительно, “нет ничего более зыбкого, чем научная истина, готовая к дополнению и пересмотру. Всякое другое знание значительно более консервативно и порой даже незыблемо: Христос, Софокл, Рафаэль, Моцарт предлагают нам практически неустаревающие способы видения мира” [1, с. 50]. Во-вторых, истина и служение ей в виде научной деятельности не сопряжены с гарантией вечной жизни и посмертного блаженства. Учёный может рассчитывать лишь на то, что способствует умножению счастья коллективного человечества, которое благодаря ему узнаёт чуть больше о мире и о себе в этом мире. В-третьих, вера остаётся лич-

ным и интимным делом, даже приобретая масштабную социальную институционализацию. Чтобы верить в бога, не нужно получать образование и становиться священником. Наука — профессиональное занятие, чтобы посвятить себя ей, нужны годы учения, а затем соответствующая социализация в сообществе специалистов, получающих плату за своё служение истине. Можно, конечно, в духе аргументации от “золотого века” говорить о том, что, например, подлинное христианство существовало только в ранних христианских общинах, а в “профессиональной” католической или православной церкви его уже нет, и с наукой произошло нечто подобное. Но для обычного человека возможно и сегодня приватно верить в Иисуса Христа, а вот возможностей приватно служить науке, кажется, нет.

Добавим к обозначенным отличиям, во-первых, оторванность целого ряда вопросов, которыми занимается наука, от жизненного горизонта среднего обывателя. Во-вторых, присовокупим сюда огромные затраты на науку и тиражируемые сюжеты актуальных и потенциальных негативных последствий научных открытий. Наконец, в-третьих, заметим вслед за Касавиным, что наука в объективно-нейтральном ключе рассказывает о том, как устроен мир, ничего не предлагая в качестве ответа на вопрос, что в этом мире делать человеку. Наука лишь указывает, что человек не может сделать в силу ограничений, накладываемых известными на сегодня законами природы. Этого обычному человеку, как правило, недостаточно.

Так что же наука может предложить человеку в экзистенциальном плане? Свет недостижимой истины, зыбкую почву под ногами, необходимость быть всегда на чеку, всегда критичным и бдительным, принимать решения, находясь в ситуации веера возможностей, ограниченных только известными законами природы и общества, и много времени уделять дальнему — отвлечённым темам и непосредственно не наблюдаемой реальности — в ущерб ближнему — насущным проблемам и данной в непосредственном опыте реальности? Да, именно это она и предлагает. И такая жизненная программа требует от человека большей интеллектуальной и духовной зрелости, чем, например, мифологическое познание и основанное на нём мировоззрение. Поэтому вводимое Касавиным уже на первых страницах книги понятие “Нового Просвещения” звучит не пафосно, а прагматично. Эпоха Просвещения не привела к достижению человеческой цивилизацией совершенности, поэтому не остаётся ничего иного, как вернуться к этой задаче.

Значит ли сказанное, что культурный смысл науки сводится к просветительской миссии, как её формулировал И. Кант, — задаче приблизить человечество к его зрелости. Да, но только если

состояние зрелости не ограничивать исключительно рамками развития критического мышления, интеллектуальной самостоятельности и эпистемического смирения. И.Т. Касавин полагает, что культуротворческая функция науки заключается, во-первых, в том, что она способствует смягчению нравов, их очищению, а во-вторых, в создании возможностей для технического творчества, поскольку техника имеет экзистенциальный и культурный смысл — она “проблематизирует и расширяет мировоззренческий горизонт” [1, с. 74]. Именно последнее наиболее точно характеризует культурное значение науки в целом. Расширяя знания и возможности, изменяя представления о мире и трансформируя среду обитания или только обещая такие трансформации, наука проблематизирует и расширяет мировоззренческий горизонт. В таком понимании заложена возможность гуманистической интерпретации технонауки, которая оказывается ориентированной не только на решение прикладных задач и запросы рыночной экономики. Развитие науки и техники провоцирует человечество решать такие мировоззренческие проблемы, какие без него никогда бы не возникли, да и вечные вопросы поворачивает под неожиданными углами, высвечивает важные, но не эксплицированные до сих пор аспекты, обнаруживает глубинные элементы, оставшиеся скрытыми или неопознанными. Теоретическое познание расширяет горизонт вообразимого, а техническое творчество — возможного, составляя две стороны человеческого бытия, постоянно устремлённого за свои пределы. В этом бытии познание и преобразование оказываются двумя аспектами одного и того же процесса *обживания человеком мира* [11]. Представленная таким образом технонаука перестаёт восприниматься в качестве искажённой (превращённой) формы науки, как её иногда интерпретируют [17]. Плоха и опасна не технонаука, а технократический характер её развития. Другими словами, проблема *в дефиците социогуманитарной культуры* — как внутри научного сообщества, так и за его пределами. Здесь мы, наконец, подходим к тому, о чём было сказано в самом начале, — к роли социогуманитарного знания в определении будущего науки. Социогуманитарные дисциплины, и в том числе — а может быть, и прежде всего — философия, способны сообщить научному организму то самовосприятие, которое позволяет быть субъектом исторического развития, в частности, выступать как субъект, а не только объект или инструмент политики.

Как индивидуальный субъект формируется не только в качестве точки пересечения влияний, но и проективно, выбирая себя и конструируя, так же проектирует себя и коллективный субъект, в нашем случае — научное сообщество. В этом заключается значение культурных проектов разви-

тия науки, в разработке которых критически важную роль играют учёные-обществоведы, гуманитарии и, опять-таки, философы. Касавин не навязывает, но предлагает возможное направление для создания подобного проекта, определяя его как гуманистический.

Как это ни парадоксально, достоинством монографии является то, что многими может быть проинтерпретировано как недостаток, а именно отсутствие детализированной проектной схемы или хотя бы обстоятельно прописанного сценария развития будущей/желаемой науки. Касавин, образно говоря, закладывает фундамент и возводит несущие стены, оставляя строительство дома для коллективного мультидисциплинарного творчества. Возможно даже, что говорить о закладке фундамента в данном случае некорректно, и мы имеем дело с конструкцией, подобной той, которую, по мнению К. Поппера, представляет собой вся наука — здание без фундамента, возвышающееся на сваях, которые требуется постоянно обновлять или менять [18, с. 148]. И всё-таки некоторые элементы составляют несущую часть конструкции, они остаются неизменными, конститутивными и связаны с человеческим измерением науки. В понимании Касавина это измерение воплощено в экзистенциальной мотивации учёного (и неучёного, интересующегося наукой), особых типах коммуникации и специфическом научном этосе, в историчности науки и, наконец, в человеко-, а не технико- или рыночно ориентированном производстве научного знания.

Культурно-историческая субъектность науки, таким образом, не может опираться только на инструменталистское обоснование значения науки и инструменталистскую её трактовку как культурного феномена. Именно такой интерпретационный подход, а не само по себе фактическое наполнение технонаучного этапа развития науки приводит к негативным последствиям, в том числе к потере наукой мировоззренческих функций, авторитета в обществе, к уравниванию её с откровенно идеологическими формами массового сознания. Поэтому и выход стоит искать не в отказе от прикладных исследований или сокращении их доли, а в развитии социальных и гуманитарных наук и распространении социогуманитарной культуры как среди учёных иной специализации, так и в обществе в целом. Разумеется, будущее науки определяется процессами получения новых знаний и изобретения технических новшеств, и этот фактор нового знания накладывает существенные ограничения на возможность спрогнозировать развитие науки. Но его можно спроектировать, задав границы не того, что может быть открыто и изобретено, а того, как оно может быть проинтерпретировано, в какое цивилизационное русло оно попадёт и какие даст там всходы. В этом смысле *гуманизация технонауки* (как я бы

предложила переосмыслить представленную Касавиным программу [11]) не просто гарантирует сохранение науки как самоценного познавательного предприятия, но и предохраняет общество от антиутопических сценариев развития. При этом каким бы ни было по своему содержанию всегда имеющее проективный характер самосознание науки, оно определяет то, что выше было названо *политической субъектностью науки*. Такое самосознание формирует те интересы, которые научное сообщество готово отстаивать в публичном и политическом поле.

Донесение результатов научных исследований до общества и лиц, принимающих решения, может быть отнесено к интересам гуманистически ориентированной науки и непротиворечиво сочетаться с этикой экспертной деятельности. И.Т. Касавин обозначает социально-политическую роль науки жёстче и конкретнее: «Чтобы приносить общественное благо, наука должна встать на позицию социального критицизма и обрести автономию от “плохого общества”» [1, с. 281]. Очевидно, что функция социального критицизма требует от научного сообщества быть не только корпорацией специалистов-дисциплинариев и наёмных работников, но объединять людей любознательных, эрудированных, социально ответственных и граждански активных. Сегодня можно назвать такую картину утопичной, но состояние общества подсказывает, что ориентация на обозначенный идеал ведёт к вполне реалистичной стратегии преодоления вызовов, стоящих перед развитием человеческой цивилизации. Тех, кто с этим не согласен, хочется попросить: попробуйте предложить что-то лучшее.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00134).

ЛИТЕРАТУРА

1. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М.: Весь мир, 2020.
2. Huff T.E. The Rise of Early Modern Science Islam, China, and the West. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Стёпин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом “Мирь”, 2009. С. 249–295.
4. Jamison A. Knowledge Making in Transition: On the Changing Contexts of Science and Technology // Science Transformed? Debating Claims of an Epochal Break / Ed. by A. Nordmann, H. Radder, G. Schieman. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 93–105.
5. Визгин В.П. Кризис проекта модерна и новый антропоекосмический союз // Философия науки. Вып. 8. М.: ИФ РАН, 2002. С. 176–200.
6. Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 179–187.
7. Свасьян К.А. Становление европейской науки. М.: Evidentis, 2002.
8. Маркова Ю.В. П. Бурдьё Пьер. Наука о науке и рефлексивность. Курс в Коллеж де Франс в 2000–2001 годах. Реферат // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/p-burdie-pier-nauka-o-nauke-i-refleksivnost-kurs-v-kollezh-de-frans-v-2000-2001-godah> (дата обращения 12.03.2021).
9. Пирожкова С.В. “Чистая” или “полезная”: культурный статус науки и перспективы его изменения // Философия науки и техники. 2021. № 2. С. 52–67.
10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Фёдорова, А.П. Шурбелёва; под общ. ред. С.Е. Фёдорова. СПб.: Алетей, 2002.
11. Пирожкова С.В. Образ будущего и сценарии развития науки как культурного феномена // Вопросы философии. 2022. № 5. (В печати)
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). Изд. 2-е. М.: Мир, 2004.
13. Линкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
14. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018.
15. Черняк Е. Пламя Парижа и его отблески // Наука и жизнь. 1989. № 7. С. 114–120; № 8. С. 78–86.
16. Черткова Е.Л. Проблема когнитивного смысла и культурной ценности науки // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+; РООИ “Реабилитация”, 2012.
17. Кошовец О.Б., Фролов И.Э. “Прекрасный новый мир”: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. 2020. № 1. С. 20–31.
18. Поннер К.Р. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.